

ЛИТ МАСТЕР КЛАСС

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ В. К. ХРИПУНОВА

Выпуск 5 ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ПРЕСС-БЮЛЛЕТЕНЬ Октябрь 2006

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Иван ИЛЬИН

Что такое художественность

Николаю Карловичу Метнеру

*«Немного истинных пророков
С печатью тайны на челе...»*

Веневитинов

Вот основной, вот труднейший, вот решающий вопрос для всего искусства: вопрос **художественного совершенства и художественной критики**, вопрос критерия, мерила, оценки и суда...

«Совершенства?» – иронически спросят тоном Пилата завзятые «знатоки» и авторитетные «ценители»: «Что есть совершенство? Художник творит то, что ему **нравится**; а зрителю **нравится** или **не нравится** то, что ему показали... Кому что нравится, тот то и хвалит... Разве можно согласить людей в их вкусах? Разве здесь можно что-нибудь доказать? Искусству нужна свобода; она нужна ему, как воздух. Свобода творить; и свобода одобрять, наслаждаясь. О каком обязательном совершенстве или доказа-

От редакции:

На страницах нашего бюллетеня мы постараемся, помимо прочего, регулярно «возвращать» современному читателю для ознакомления и изучения ценные, на наш взгляд, публицистические произведения литературной направленности, опубликованные некогда в тех или иных изданиях. Полагаем, они и сейчас, по большей степени, не утратили своей остроты и злободневности и, возможно, окажутся интересны и полезны с познавательной точки зрения для всех, кто хочет постичь тонкости той особенной сферы человеческого знания, что зовётся литературой.

Открывается же данная рубрика статьёй, напечатанной более десяти лет назад в журнале «СТУДЕНЧЕСКИЙ МЕРИДИАН»*.

создать совершенно нехудожественную картину; мастер естественного телодвижения может художественно провалить свою роль и свой танец. Над внешней материей должен царить **образ**; над образом должна царить **прорекающаяся тайна**.

Во-вторых, художник имеет дело с **образным** составом искусства. **Строитель** не просто скрепляет камни и дерево, но показывает нам образ храма и жилища. Воображение **живописца** даёт зрителю сверх того образы плодов, цветов, деревьев, животных, гор, моря, неба, человеческого тела (и через него – человеческой души), или же просто узора; воображение **поэта** властно даёт сверх этого всего ещё и весь внутренно-душевный мир человека (в отвлечении от их внешности, например, «Я вас любил» Пушкина); воображение **музыканта** властно показать по-своему не только всё это, но и многие ни словесно, ни зрительно не передаваемые состояния мира и содержания человеческого духа...

Все эти **образы** имеют **свои** законы (законы, предсказанные природой, законы пропорции, гармоничности, перспективы, законы человеческой психологии и другие, теоретически ещё не исследованные и не сформулированные... целое великое поле для исследователя!). И **эти** законы настоящий художник соблюдает интуитивно и бессознательно, но, соблюдая, подчиняет глубочайшему содержанию прорекающейся художественной **тайны**. Ибо и образ не смеет быть самодовлеющим; и он есть лишь сред-

ство и орудие...

Образный состав искусства имеет **свою**, обязательную «грамотность». Но и она подчинена Главному – третьему слою искусства, прорекающей через художника тайне!

Итак, вот критерий художественного совершенства: будь верен законам внешней материи, но, осуществляя их, подчини их живую комбинацию – **образу и главному замыслу**; будь верен законам изображаемого образа, но, осуществляя их, подчини их живую комбинацию своему главному замыслу, **являемой тайне**; а художественный замысел свой всегда вынашивай до полной зрелости, и пусть он будет всепронизывающим, внутренним солнцем твоего произведения.

Именно это имел в виду поэт Шеллер, когда писал в своём мудром стихотворении «К Фебу» (то есть к солнцу):

*Плодов и звуков божество!
К тебе взывает стих мой смелый:
Да мысль глядится сквозь него,
Как ты сквозь плод
прозрачно-спелый!...*

Как солнце возвращает плод, пронизывая его своими лучами, так художественный замысел поэта должен пронизывать всё стихотворение, глядясь в него и сияя из него людям...

Таково и было всегда всё великое и классическое в искусстве. Таково оно будет и впредь.

Вот откуда открывается художественное совершенство. Вот где начинается настоящая и плодотворная художественная критика...

Редакторы:

Владимир КУЗНЕЦОВ
Марина НОЗДРЮХИНА

Литературный консультант Виль ХРИПУНОВ

Адрес для писем:

630082 г. Новосибирск а/я 236
Созыкиной Т. А.

(маркированный конверт – для быстрого ответа)

* статья публикуется с незначительными сокращениями

тельном критерии может идти речь?»

На эти вопросы мы должны дать прямой и ясный ответ.

Да, свобода нужна искусству, как воздух человеку: ибо свобода есть право творить **по вдохновению**, а не по принуждению и заказу. Но разве свободное вдохновение означает **безответственность и вседозволенность**? Разве художник, предоставленный своему вдохновению, имеет духовное право на произвол и беспутство? Разве вдохновение есть художественная распущенность и бесчинство? Не есть ли вдохновение, наоборот, **прозрачные высшие закономерности и совершенных связей**? Не есть ли оно обретение **подлинной художественной необходимости**?

Бесспорно, никто не должен мешать художнику творить то, что ему «нравится». Пусть его и творит... Но ведь ему может «понравиться» и плохое, безвкусное, нехудожественное, или, ещё хуже, – растленное и растлевающее. Кто же смеет мешать нам устанавливать это, то есть, что вот такой-то художник создал нечто плохое, нехудожественное или растленное?..

Трудно помешать и зрителю наслаждаться тем, что ему нравится, и хвалить нравящееся. Пусть его и хвалит... Но ведь ещё мудрый грек Гераклит отмечал, что люди нередко «наслаждаются грязью». Кто же может помешать нам устанавливать это обстоятельство, то есть, что вот такие-то люди «наслаждаются грязью»?..

Согласить людей в их «вкусах», конечно, нельзя, да и не нужно: всё равно всех не переделаешь. И само произведение искусства не станет ни лучше от согласных рукоплесканий толпы, ни хуже от её единодуш-

ного свиста и поношения. Дело здесь совсем не в толпе...

Но судить об искусстве – независимо от толпы и вопреки ей, – судить в порядке ответственного служения можно и должно. И если бы русская художественная критика и русская эстетика были на высоте за последние пятьдесят лет, то, может быть, некоторые русские «знатоки и ценители» не распространяли бы ныне с успехом дух **эстетического большевизма**, эту теорию безответственности и практику вседозволенности в искусстве.

В вопросах художественного совершенства и художественного суда – возможно и **доказывать**, и **показывать**. Ответственный критик **обязан обосновывать каждое своё суждение**, каждое критическое слово, каждое одобрение и неодобрение...

Художественная критика требует **целостного вхождения** в самое произведение искусства. Надо **забыть себя и уйти в него**...

Но, увы, люди воспринимают искусство рассеянно и безразлично; никто и не думает о «целостном вхождении», о **верном и точном** восприятии, о глубокой и таинственной медитации художника. Думают о своём развлечении и удовольствии. Приносят в концерт или в картинную галерею свои повседневные интересы и настроения, своё обывательское «самочувствие». И не думают освободить в себе «духовное место» для художественного произведения...

А ведь во всяком подлинно художественном произведении имеется это главное, это сказуемое, некая бессознательно выношенная тайна, которая ищет себе верных образов и верного художественного тела (звук, слов, красок, линий и т. д.). Эта тайна есть как бы **душа** произведе-

ния; отнимите её – и всё тело расплывётся на случайные куски и обрывки. Эта тайна есть как бы внутреннее солнце произведения, лучами которого всё оно пронизано изнутри; **она** царит, и ей всё подчиняется; **она** диктует художнику закон, и меру, и выбор, и необходимость, и все оттенки... Ей он повинует. Из неё творит. Из неё критикует и исправляет своё создание. Ибо он знает, что всякое слово и весь ритм его поэмы; всякая модуляция его музыкальной темы; всякий персонаж его драмы; всякая деталь его картины; всякий жест и поза его танца – должны **служить ей**, являть её; должны быть потребованы и выращены из её глубины; должны быть **необходимы** для её художественного **прикровенного раскрытия**...

Искусство есть прежде всего и глубже всего – **культ тайны**, искренний, целомудренный, неприятельский... Где нет этого сосредоточенного вынашивания тайны, где нет **художественного тайноведения** (о, сколь ответственного!), – там нет и настоящего искусства. Там или совсем нет Главного, или же оно подменяется рассудочными выдумками и произвольными комбинациями. Истинный художник есть не только «жрец прекрасного» (Пушкин), но и жрец **мировой тайны**, постигаемой в глубине сердечного созерцания. Он внемлет ей и в «*дольней лозы прозябании*», и в «*подводном ходе гад морских*», и в «*криках сельских пастухов*», –

*И бездны мрачной на краю,
И в разъярѣнном океане,
Средь грозных волн
и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы...*

Если нет тайны и её бессознательно-созерцательного вынашива-

ния, – то нет и художника, нет и искусства, а есть лишь их праздная и соблазнительная видимость. Ибо искусство рождается из **таинственных недр мирового бытия**.

Только при таком понимании искусства может быть верно разрешён вопрос о художественном совершенстве и художественном критерии.

Творящий художник имеет дело обычно с **тремя** слоями искусства.

Во-первых, – с **внешней материей**: в поэзии – это звучащее слово и язык; в музыке – это поющий звук и инструмент; в скульптуре – глина, камень, дерево, металл; в живописи – краски и цвета, линии, светотень; в театре и танце – само человеческое тело, декорации, обстановка. Эта внешняя материя имеет свои законы (законы языка и грамматики, законы музыкального звучания и созвучия, законы света, законы масс, законы человеческого естества). Эти законы должны быть соблюдены, но при соблюдении **подчинены** двум более глубоким слоям. Ибо внешняя материя искусства есть лишь **средство и орудие**; она не самостоятельна и не смеет быть самодовлеющей. Она призвана быть верным знаком художественного **образа** и художественной **тайны**...

Так, безграмотное стихотворение не может быть художественно совершенным, какие бы яркие образы и глубокие помыслы они ни несло читателю. Но одной грамотности и «стильности», конечно, недостаточно. Нельзя попираť законы музыкального звучания и созвучия, как делают это иные «джаз-бандиты» и бегущие за ними модернисты в музыке; но музыкальная грамотность в композиции и инструментовке и верный слуховой вкус – отнюдь не обеспечивают ещё художественности. Мастер краски и линии может